

ЛУННЫЙ КОРИДОР

рассказ

Юлия НИФОНТОВА

г. Барнаул

*Синий свет в коридоре больничном,
лунный свет за больничным окном...*

Борис Рыжий

Шёл, по словам бабушки, мой последний вольный год. На дворе стоял трескучий декабрь, и до поступления в первый класс, по детским меркам, было ещё ой как далеко. Однако, в отличие от бабушки, это время почему-то вовсе не казалось мне таким уж вольным. Наоборот, я чувствовала себя тряпичной куклой в чужих руках, которую постоянно заставляют делать то, что совершенно не нравится, а по большому счёту бессмысленно и никому не нужно.

Вот, например, чего стоила новая прихоть мамы: ребёнку нужно заниматься спортом. Я такой необходимости вовсе не испытывала. С каким наслаждением сидела бы в «кукольном закутке» и рисовала, общалась со своими «живыми» игрушками, мечтала. Но не тут-то было. «Она у вас полная, малоподвижная, замкнутая», — пригвоздила очередная грубая врачиха, которым мама меня беспрестанно зачем-то «показывала». Целеустремлённая родительница тут же записала меня на лечебную физкультуру, к логопеду, а что самое страшное — на фигурное катание, которое я люто возненавидела с самого первого занятия. Не то чтобы я не любила именно этот вид спорта, нет, — скорее не понимала, что может быть общего с ним у меня.

Никогда не забуду, как меня, сгорающую со стыда, завели в класс, где высокие длинноногие дети занимались хореографией. Девочки были одеты в настоящие гимнастические купальники, а меня вытолкали на всеобщее обозрение в обычной маечке и трусишках, в которых я только что спала на тихом часу в детсадовской кровати. Преподавательница говорила непонятные слова «батман тандю», «гран-плие», выворачивала мне

ступни, пытаюсь поставить в первую позицию. Все смотрели на это с саркастическим недоумением, а я проклинала себя за неуклюжесть, медлительность и неспособность запомнить элементарного. Я, кажется, готова была бы сделать всё что угодно, только никогда больше не появляться под прицелами этих насмешливых глаз.

Но спорить с мамой было совершенно бесполезно, семья послушно повиновалась её руководству. Вскоре меня поставили на коньки, гоняя по стадиону, заставляли играть в футбол на раскалённом асфальте, бегать марафон в лесном пригороде. Водить ребёнка на все эти «активности» предстояло, конечно, не маме, а бабушке, на чьи плечи в конечном счете обычно и падали заботы по реализации маминых фантазий.

Помню, словно это было вчера: мы возвращались с бабушкой в переполненном автобусе, она везла меня к себе с ненавистного «фигурного». Я с интересом разглядываю перемёрзшие белые окна, которые стужа разрисовала разлапистыми пальмовыми ветвями и махровыми тропическими лианами.

В тёплом дедушкином доме, куда мы направляемся, окна, конечно, не такие белоснежно-пушистые, как в общественном транспорте. Но мы с бабулей из салфеток навыврезали снежинок разных размеров и облепили ими стёкла, включая трельяж, даже на круглое зеркальце над умывальником поместились две самые маленькие.

В сених скромно дожидается праздника перевязанная бечёвкой ёлка. Дед Мороз, наверное, принесёт мне множество подарков, среди которых не только апельсинки и конфеты, но и настоящие школьные принадлежности — неизменные атрибуты загадочной взрослой жизни. Стоило мне лишь блаженно погрузиться в предновогоднее настроение, как обратно в реальность резко выдернула настойчивая просьба: «Девочка, передай на билет!» Незнакомая взрослая рука откуда-то сверху протягивала мне медный пятак.

Я не привыкла, чтобы взрослый человек повторял мне дважды, поэтому, молниеносно стянув зубами толстую варежку, схватила монетку и передала её дальше по салону. Бабушка сдавленно охнула и встряхнула меня за плечо: «Да ты что ж грязную рукавичку в рот тащишь?! Всю заразу, наверное, собрала!» Я нисколько не смутилась. Наоборот, изобразила независимый вид, будто

ничего страшного не произошло, — типа да я так постоянно делаю. На самом деле мне уже давно хотелось повернуть этот финт, подсмотренный у кого-то из отъявленных озорников подготовительной группы. Представился удобный случай, и я с удовольствием собезьянничала заливчатское срывание варежки зубами на глазах публики. Конечно, мне было прекрасно известно, что нельзя облизывать грязные вещи, но ведь порой в душах даже самых затюканных тихонь зреет показной бунт, демонстрация непослушания и своеволия. При маме я бы не рискнула, но, зная бабушкину слепую безграничную всепрощающую любовь, была уверена в полной безнаказанности.

Однако кара настигла меня тем же вечером. Вернувшись в уютный маленький домик в частном секторе, я вдруг приуныла. Неожиданно сама для себя отказалась от разваристой пшённой каши с сочной котлеткой, которые бабуля готовила всегда так вкусно, что они просто таяли во рту. Густым сладким киселём из чёрной смородины меня тоже соблазнить не удалось. Старики не на шутку встревожились, ведь, начиная с самого раннего детства, внучка никогда не страдала отсутствием аппетита, привычно заедая недостаток материнской любви и собственную неуверенность. Тревога переросла в панику, когда я надолго оседлала горшок и разразилась безудержной рвотой. Бабушка, надеясь справиться домашними средствами, поила меня терпким отваром гранатовых корочек и заставляла пить красивый на вид, но весьма противный на вкус розовый раствор марганцовки. Ничего не помогло, меня начала трепать безжалостная лихорадка.

Я лежала под тремя стёгаными одеялами, трясясь в нещадном ознобе, и умоляла бабушку накрыть меня ещё чем-нибудь. Все суставы крутила и выворачивала тупая боль. Временами мне становилось нестерпимо жарко, и я скидывала душевные ватные сугробы, пытаюсь сорвать с себя и промокшую насквозь ночную рубашку. Сквозь накрывающее забытие я слышала, как торопливо одевается дедушка, как достает из буфетного ящика старый фонарик.

Я знала, что при любой страшной беде необходимо нестись через три неосвещённые улицы к телефонной будке. Так уже случилось однажды, когда дед обварил ноги кипящим борщом. Мы побежали вместе с бабушкой к облезлой красной

кабинке. Правда, в тот раз телефон оказался испорчен местными хулиганами, вместо трубки торчал лишь вытянутый металлический провод. И нам пришлось поспешить к остановке, ехать в пункт скорой медицинской помощи и там почему-то долго с кем-то ругаться, умолять и рыдать. Я мало что понимала тогда, а плакала просто за компанию с бабушкой.

Вот и в этот раз дедушка поторапливался, собираясь вызывать не столько скорую помощь, на которую в нашей глухомани всегда мало надеялись, сколько Толика — моего отца. Обычно эти два понятия — Толик и скорая помощь — ходили рядом и означали почти одно и то же. У мамы на протяжении всей совместной жизни с отцом — а это, на минуточку, почти шестьдесят лет — все проблемы решались при помощи одного лишь волшебного слова: «Толи-и-ик!» К слову сказать, на Толика уповала не только семья, но и вся наша округа куда больше, чем на неприступную поликлинику. Чаще всего папа являлся на вызов быстрее, чем разбитый больничным тарантас, едва продирающийся по кривой неасфальтированной улочке.

Я приоткрыла глаза. Изученный вдоль и поперёк неровный белёный потолок бабушкиной комнаты, навязчиво мерцающая надо мной, вдруг стал вытягиваться вверх, уходя в чёрный космос длинным узким коридором. Его голубоватый холодный свет был точно таким, как тот, что льётся из длинных ламп для обязательного кварцевания палат в папином отделении.

Однажды, когда он вёл меня за руку по длинному больничному коридору, я видела, как пациенты, накрыв лица полотенцами, лежали, оголив резанные животы. Они подставляли волшебному целительному свету свежие бордовые швы с торчащими из них жёсткими, словно проволока, нитками, которые делали эти шрамы похожими на гигантских ошетилившихся многоножек.

Видимо, в тот день, когда папа привёл меня к себе на работу, меня снова некому было «сунуть». Мама уставала от студентов — очников, заочников, практикантов. Дедушка на больных негнувшихся ногах обрабатывал два огорода в усадьбе и на даче. Без расчёта на урожай и домашнее консервирование семья выжить не мог-

ла. Бабушка работала: днём — у раскалённой печи в детсадовской столовой, ночью там же — нянечкой. Садик был круглосуточный. Но в нём, несмотря на все старания родственников, я не прижилась. Неотрывно глядя в окно, рыдала без остановки, пока не лишалась голоса, отказываясь от общения, и на воспитателей действовала крайне раздражающе. Однако перед школой мама, не глядя на моё отчаянное сопротивление, всё же отправила меня «в общество». Словно уже так много лет прошло с тех пор...

Теперь же я лежала, уставившись взглядом в потолок, который вдруг ни с того ни с сего ожил, задышал, закрубились на нём белые туманные вихри. Видя, как необычно ведёт себя знакомая комната, я попыталась позвать на помощь, но не услышала своего голоса. Зато бабуля тут же выглянула откуда-то сверху. Чувствуя, что меня засасывает в узкий голубой коридор, я схватила её за руку:

— Баб, держи меня! Держи, а то улечу.

— Я тут, доча, держу-держу.

По краям моего постельного гнезда вздымались надутые сугробы одеял и подушек, пенными горами они налезали на меня, угрожая поглотить. Я, казалось, окукливаюсь как гусеница, вознамерившаяся стать свободной бабочкой. Но вдруг стала крутиться вокруг своей оси всё быстрее, быстрее, быстрее, наматывая на себя забытые и безвременье. Словно шустрая неутомная веретёшка, что наматывает на себя суровую нить, прыгая и постукивая по широким половицам. А бабушка всё вытягивает и вытягивает своими маленькими почти детскими пальчиками, скручивает серую жилку из овчинной кудели с кисловатым животным запахом. Завертелось с тихим скрипом колесо деревянной прялки, завертелось так быстро, что слилось в одно серое живое пятно и растаяло в неумолимо расширяющемся пространстве.

Очнулась я только в салоне неотложки на папиных руках, укутанная, словно младенец, во что-то невыносимо жаркое. Очень хотелось пить. Машина то буксовала в снежных заносах забытой богом глухомани, то, выехав на трассу, вдруг начала резко подпрыгивать на ледяных колдобинах.

— Везите в нашу инфекционную. Они как раз

сегодня по городу дежурят, — повелел папа своим обычным спокойным, уверенным голосом, и я поняла, что теперь непременно всё будет хорошо.

Оформили меня быстро. Единственное, что насторожило и обеспокоило, — настойчивый и явно нездоровый интерес дородной тетеньки из приёмного покоя к цвету моего стула. Стульчик у меня был маленький, удобный, сделанный дедушкой собственноручно, ошкуренный, без единого заусенца и выкрашенный в красивый светло-голубой цвет. И я ни за что на свете не хотела бы отдать мой любимый стульчик чужой неприветливой женщине.

Палата, в которой мне предстояло провести неопределённое время, была просторной, но уж очень какой-то неудобной, неудобной. Даже нарисованная аляповато яркими пятнами на стене Дюймовочка, сидящая на листе кувшинки, не спасала положение и смотрелась в окружении убогой серости нелепо и одиноко.

Когда после тяжких очистительных процедур, капельниц и уколов я проснулась утром в незнакомой комнате, то тут же почувствовала себя беспомощным насекомым, накрытым сверху гранёным стаканом.

Дедушка однажды поймал осу, случайно залетевшую в дом. Она то растерянно ползала по стенам «тюрьмы», то временами принималась бунтовать: билась в невидимую преграду с возмущенным жужжанием. Так и я вдруг оказалась внутри прозрачной неволи — стены палаты по большей части были стеклянными. Словно огромные витрины, они выходили на длинный больничный коридор и в такую же соседнюю палату.

Всё здесь было странно устроено: и засилье белого цвета кругом, отстранённость людей, делающих свою работу механически, как роботы. Открыв глаза, я лежала в чужой неудобной кровати и прислушивалась. Никто не спешил ко мне с объятиями, не подгонял к умывальнику, не торопился накрывать завтрак. Я почувствовала себя брошенной и забытой, решив, что от меня избавились, как от сломанной игрушки. Но впереди ожидало кое-что похуже одиночества.

Где-то прямо надо мной раздались смешки и стук. Несколько круглых мордашек с любопытством глазели через стекло из соседней палаты. В отличие от моей «одиночной камеры», там все

лежачие места были заняты. За стеклом, как в клетке зоопарка, прыгали, шумели, дрались и вообще не сидели на месте шестеро мальчишек примерно моего возраста.

Позже я узнала, что лишь один из них был значительно младше меня. Его постоянно обижали и дразнили детдомовским.

Сидеть на кровати, прижавшись спиной к стене, — такой у него был способ защититься от ребят, только при этом он закрывал им меня. Так что, поколотившись какое-то время в стекло, они теряли ко мне интерес и переключали внимание друг на друга, что неминуемо приводило к новым потасовкам и громкому рёву. Вот, наверно, тогда, спасаясь от назойливого внимания, я научилась уходить в себя настолько глубоко, что начинала видеть, слышать и выстраивать свой мир.

Иногда ко мне приходил папа. Я ждала от него чего-нибудь вкусенького, так как есть хотелось зверски. Но он каждый раз приносил мне новую книжку и вдобавок поделку из старых капельниц: рыбку, чёртика или осьминожку, которые жили теперь в ящике облупленной белой тумбочки. Папа вплывал в палату шикарным белоснежным теплоходом и, казалось, почти доставал до потолка высоким накрахмаленным колпаком — трубой. С его появлением просторная палата как будто съезжилась, становилась меньше, уютнее, и она, наполняясь, словно обнимала нас.

Почему-то дома папа не производил такого эффекта и вообще казался другим, словно был гостем, который не может дожидаться, когда же наконец покинет чужие стены и отправится восвояси. Он будто становился ниже ростом, сгибаясь под нескончаемыми мамиными упрёками: мол, жить не умеешь, ни связей, ни блата, другие вон с работы несут, а этот последний градусник для чужих людей из дома упёр.

Действительно, жили мы всегда трудно, папа не вылезал с дежурств. Каждый раз он был вынужден по многу часов стоять у операционного стола, возвращался с опухшими ногами.

В чём-то мама была права, ведь, проработав заведующим хирургией до восьмидесяти лет, он не сумел заработать даже на приличный автомобиль. На все мамины выпады отвечал с

какой-то по-детски блаженной полуулыбкой: «Я взятку не беру, зато сплю спокойно». За то и получил домашнее прозвище «князь Мышкин несчастный»; мама называла его так с неизменной горькой досадой.

О том, что отец на самом деле происходил из княжеского рода, по злой иронии, мы узнали гораздо позже. Его мать, всю жизнь боявшаяся любой власти, призналась только перед самой своей смертью, показав драгоценный кулон с царским вензелем Николая Второго, который сохранила даже в самые отчаянные и голодные годы.

За всю жизнь можно было по пальцам пересчитать те праздники, в особенности новогодние, когда папу в экстренном порядке не вызывали спасать очередного резаного-стреляного, пострадавшего в угаре беспощадного русского веселья. А вызывать именно папу было очень удобно: во-первых, мы жили через дорогу от больницы, а во-вторых, у папы была первая положительная группа крови, которая, как живая вода, подходила абсолютно всем, поднимая на ноги самых безнадежных пациентов.

Поскольку папа буквально жил на работе, то и мне случалось бывать в «его царстве». Там обитали улыбочивые нежные «сестрички», высокие богородные мужчины с сильными руками. Все, вплоть до санитарки и гардеробщицы, знали, чья я дочь. Именно по этой причине, стоило мне лишь переступить порог папиной больницы, как я ощущала всеобщее внимание, словно наследная дочь короля. Нигде и никогда больше я не испытывала ничего подобного.

Вспоминается, как в один из таких присутственных дней папу срочно вызвали в операционную, и он, не подозревая подвоха, поручил нянчиться со мной молодому интерну. Надежная отцовская спина уплывала в сияющий стерильный инопланетный мир. Острые голубые росчерки чудесных обеззараживающих лучей сопровождали его движение, ложась на одинаковые белые квадратики кафельных плиток, которыми были выложены не только стены и пол, но и высокие потолки.

Юный доброхот решил, что дочке начальника не помешает знать, где работает её родитель. Он подвёл меня к стеклянным иллюминаторам операционной. Но я увидела лишь несколько согбенных спин в одинаковых бирюзо-

во-зелёных костюмах. Ослепительный белый свет лился сверху из небольшой летающей тарелки, что зависла над столом, перед которым согнулись «зелёные человечки», производящие над жертвой непостижимые инопланетные эксперименты. Даже здесь, за дверью странного помещения, чувствовался тошнотворный запах хлора, железа и едких медикаментов. Клоны-андроиды приглушённо отрывисто переговаривались на «марсианском» языке, отчего-то дублируя каждую фразу.

Вдруг небольшой мясной кусок плюхнулся в таз, стоящий на полу. Вид окровавленной ёмкости, полной плавающих в ней ошмётков человеческой плоти, испугал меня до полусмерти. Мне стало дурно и отчего-то невыносимо тошнливо.

Ужаснувшись моей внезапной бледности, юный медик выволок совершенно обессиленную зрительницу на общий балкон. Потом, когда я чуть отдышалась, повёл посмотреть на пузатых красных рыбок с вуалевыми хвостами, что плавали в небольшом каменном бассейне в рекреации хирургического отделения.

Папе о своих впечатлениях я не сказала тогда ни слова. Но вывод был очевиден: со столь легкоранимой психикой я вряд ли смогу продолжить врачебную династию, о которой он всегда мечтал. Благо, сестра Нина, до рождения которой оставалось тогда совсем недолго, оказалась именно того покроя и ранга, что позволяет, не размениваясь на артистические эмоции, принимать правильные решения и, копаясь в тончайших внутренних органических мембранах, спасать человеческую жизнь. Мне кажется, она от рождения обладала всеми качествами для того, чтобы стать хорошим врачом, и стала им. Божий дар нашего папы воскрешать почти «из мёртвых» не пропал и получил дальнейшее развитие.

Но это будет потом, гораздо позже, а пока я сидела на больничной кровати в палате детского инфекционного отделения и с жадным интересом рассматривала тонкие книжки с картинками и крупным шрифтом. Кажется, это были произведения Николая Носова «Живая шляпа» и Виталия Бианки «Синичкин календарь».

Ещё прошлым летом папа записал меня в детскую библиотеку имени Корнея Чуковского. Помню, что нам там были чрезвычайно рады.

Тогда мне было пять, и читать я толком не умела, хотя с увлечением списывала увиденные слова в свой блокнот, с которым не расставалась.

Из тех книг, что мы брали в библиотеке, врезалась в память одна — отпечатанная на пористой желтоватой бумаге, с зелёно-черными разводами на обложке. Называлась она «Сказка о заводной лягушке» и принадлежала перу Василия Нечунаева, классика алтайской детской литературы. Папа поставил сложную задачу: решил во что бы то ни стало научить меня чтению до поступления в первый класс. Короткие слова по слогам тогда я уже могла читать, но в мини-поэме про лягушку каждый раз наткалась на преграды из слов малопонятных: пучеглазая, понарошку, из-за границы, земноводные. К каким только ухищрениям не пришлось прибегнуть бедному папе, чтобы заставить меня продираться сквозь тёмный и дремучий стихотворный лес!

Эх, как же хорошо было раньше, когда он брал в руки книгу и, например, читая сказы Бажова, начинал изображать всех персонажей, меня под них голос и мимику. Это был настоящий моноспектакль. Так, проигрывая передо мной сказку «Каменный цветок», он не только озвучивал героев, но и пел за хор, как на одноименной пластинке: «Чудится — не чудится, хозяйка идёт...» Сердце замирало от надвигающейся волнующей атмосферы почти настоящего театра, хотя и книга, и пластинка были уже выучены почти наизусть.

С самостоятельным чтением дело обстояло гораздо хуже. Продвигались мы медленно. Самым трудным было преодолеть первые строки, особенно не давалось словечко «неправдашной»: смысл ускользал от меня, а буквы разбегались.

*У меня была игрушка —
Пучеглазая лягушка.
Хоть неправдашной была,
Хоть не ела, не пила,
А скакать умела.
Скок-поскок да скок-поскок.
От стола да под порог,
От порога да к столу.
Вдруг присядет на полу
И поглядывает, ждёт,
Кто дружинку заведёт...*

Мы читали с папой по очереди: я — две строчки, а он — всё остальное на странице. После каждого совместно прочитанного отрывка выясняли, о чём же там говорилось. Чтобы как-то уже завершить трудоёмкий процесс, мне был обещан поход в парк и катание на аттракционах. Худо-бедно, но после трёхдневной борьбы мы «победили» нечунаевскую лягушку. Запомнилось это событие на всю жизнь как преодоление задачи невероятной сложности.

Конечно, в тот момент я и представить себе не могла, что буду тесно общаться с автором первой в жизни прочитанной книги. Вспоминается, как практически каждое моё рабочее утро в качестве помощника руководителя писательской организации начиналось с телефонного звонка классика детской литературы. Скрипучий с характерной хрипотцой голос ежедневно сообщал мне с энтузиазмом примерно одну и ту же «новость»:

— Юля, здравствуй! Вот послушай, какой я сегодня стишок сочинил...

Дальше Василий Маркович, невзирая на мои слабые отговорки, — мол, работы много, может, в следующий раз, — начинал с упоением читать свежую потешку про кого-нибудь из наших общих знакомых. Преимущественно героями его произведений становились известные в крае писатели. Например:

*Ваня, Ванечка Мордовин¹ —
Мастер всяческих шутоквин...*

Или:

*Мы, как только забузим,
Байбузим² и байбузим...*

Думаю, эти простенькие стишки-дразнилки мне, пятилетней, понравились бы куда больше, чем то самое первое и, как потом оказалось, самое сложное в моей жизни произведение. Поэма живописала трагедию невероятного для детского разума масштаба: заводная лягушка ускакала на настоящее болото, а там земноводная братия во

¹ Иван Фёдорович Мордовин — поэт-верлибрист, редактор, член Союза писателей России.

² Имеется в виду поэт Николай Сергеевич Байбуза.

главе с заносчивой Жабой Жабовной отвергла несчастную мигрантку.

Уже тогда мне, малолетке, хотелось читать другую книгу — о волшебных приключениях, о какой-то невероятной верной любви. Да, прав мой муж, говоря, что девчонки, ещё сидя на горшке, начинают мечтать о замужестве.

Взаперти больничного одиночества я вдруг стала сочинять для себя такую книгу. Мне представилось местечко, где я всегда была счастлива, — бабушкин огород. Полосатые домотканые полоwichки на крышке погреба. Тут же мои верные друзья — бархатная обезьянка Джоконя, белый медвежонок Умка, темнокожая кукла Нэнси. Сухой ветерок колыхает душистые листья помидоров, хлопает в широкие зелёные ладошки огуречная лиана. Рядом прохладные даже в самый солнечный день бочки, полные воды для полива. В жару можно прыгнуть в воду и, пригнувшись, смотреть из сумрачного бака на высокое небо, представляя себя русалкой, случайно заплывшей в чужую человеческую стихию.

Да, именно оттуда, из таинственного бака, тревожно пахнувшего диким озером, должен вынырнуть мой герой — весёлый и обаятельный мальчик, красивей которого нет на всём белом свете. Он самый верный, самый лучший друг, и мы обязательно поженимся, когда вырастем. Он позовёт меня с собой, а ведь, держась за его руку, ничего уже не будет страшно. Мы нырнём в прохладную мутную глубину, а вынырнем на белом песчаном берегу далёкого синего-синего, невероятно синего моря.

Мой друг живёт в уютной пещере на таинственном необитаемом острове... Ну, а где же ещё он может жить? Конечно же, только там! Мы идём вдоль пляжа, и на песке остаются наши следы. Очищенные добела волнами и ветром гладкие коряги на прибрежной полосе похожи на переплетённые человеческие руки. Мы входим под зелёный шатёр чащи, где переговариваются невиданные птицы в праздничном оперении, вовсе не похожем на серые нищенские одёжки наших воробышков. Тёмные пятна теней зыбко дрожат, делая узкие тропинки меж зарослей живыми мерцающими ручьями света. Уютные каменные своды впускают нас.

И ту-ут!.. Не успели мы ещё согреться и обсох-

нуть, как начинается тако-ое, тако-ое... Нечто страшное, необъяснимое. И справиться с этой бедой мы сможем только вместе.

Судорожно пытаюсь записать, зарисовать в блокноте то удивительное видение, что открылось мне: схематично набрасываю план острова, интерьер жилища, портрет моего таинственного друга.

Вдруг омерзительный скрип двери грубо вырывает меня из зачарованного царства и кидает на казённую кровать одинокой палаты детской инфекционной больницы. Входит дама с высокой причёской, которую часто поправляет длинными изящными пальцами с безупречным кроваво-красным маникюром.

Это папина знакомая, по его просьбе посещает меня каждый вечер перед сном. Папа называет её сестра-хозяйка. Наверное, она сестра Хозяйки Медной горы... Вот и перстень у неё на пальце как застывший жёлтый глаз дракона. Говорить мне с ней абсолютно не о чем, я послушно отвечаю на дежурные вопросы и терпеливо жду, когда она уйдёт.

Каждый раз дама с неподдельным изумлением внимательно рассматривает меня и говорит вкрадчиво. Я уже знаю этот взгляд и манеру разговаривать. Точнее, начинаю с ними свыкаться. В её интонациях между слов угадываю смысл: «Боже! У такого красивого отца, статного брюнета и умницы, и вдруг столь неказистая дочь! И в кого только уродилась?!»

— Ну что? Скучаешь тут? — словно не мне, а какому-то другому невидимому собеседнику говорит высокая дама.

Я до глубины души удивляюсь этим вопросам, но молчу. Как объяснить, что несколько минут назад я была в волшебном мире и предвкушала настоящие приключения, что меня там ждут друзья и незавершённые дела, а заскучала именно с её появлением?!

— Ну и чем ты тут занимаешься? — высокая дама мучительно пытается придать своему лицу участливое выражение.

Я не умею обманывать взрослых, ведь они всевидящи и всемогущи! Ах, как же долго, непросительно долго я не могла расстаться с этим глупым предрассудком!

Мне не сразу удаётся сформулировать род моих занятий, подыскиваю слова. Чем же я только

что на самом деле занималась? Как это назвать? Мечтала... гуляла в мыслях... записывала и зарисовывала фантазии?.. Возможно ли растолковать другому человеку всё то чудесное, что происходит со мной, — то, что я сама ещё до конца не осознаю? Наконец мне удаётся примерно определить моё удивительное одновременное существование сразу в двух мирах:

— Я книжку пишу, — смущённо шепчу, мечтая побыстрее избавиться от посетительницы.

— В книжке пишешь?! — возмущённо встрепенулась дама. — Ну, ты даёшь! Да разве можно в книжке писать?! Тебя что, в садике не научили, как нужно к книгам относиться?!

Я испуганно замираю: видимо, книги писать нельзя. Может, это опасно? Вероятно, можно столь сильно заблудиться в мечтах, что и не вернуться потом обратно к маме и папе. Вот так и останешься навсегда в том фантастическом мире. Да и неизвестно, как там оно всё в результате сложится. А может, книги нельзя писать только детям? Ведь не даёт же мне мама смотреть кино по телевизору после отбоя, а сами смотрят. Может, книги позволительно только взрослым писать? Поскорее бы вырасти!

— Ну-ка, покажи-ка мне испорченную книжку, — командует высокая дама.

Я пугаюсь и смущаюсь ещё больше. Уши вспыхивают красными фонариками и начинают пульсировать. Я не могу показать ей то, что она требует: у меня нет никакой испорченной книги. Или, может, на самом деле есть, а я просто не знаю?

Видя, что заторможенный и, скорее всего, умственно отсталый ребенок окончательно впал в ступор и, судя по всему, не способен осознать сказанного, дама, шумно вздохнув, — и с какими только идиотами приходится иметь дело! — берёт инициативу в свои руки. Её когтистые пальцы с длинными алыми «наконечниками» быстро пролистывают «Живую шляпу» и «Синичкин календарь». Не обнаружив никаких страниц, изувеченных каляками-маляками слабоумной малолетки, дама вопросительно смотрит на меня долгим изучающим взглядом.

— Ну и где? Где, я спрашиваю? Чего ты понаписала? В какой книге?

— Вот, — выдавливаю я из себя и протягиваю Хозяйке Медной горы мой заветный блокнот,

испещрённый разноцветными записями, рисунками и схемами.

Страницы пронумерованы моей уникальной ручкой с бирюзовыми чернилами, но только до десятой, а потом отсчёт идёт заново, потому что цифру одиннадцать я ещё могу написать, но дальше путаюсь. Дама, высоко вскинув тонкие брови-ниточки, скептически зачитывает: «Стр. 1 «Бабин агарод». Стр. 2 «Бак и вода». Я разглядываю свой корявенький почерк и вдруг только сейчас, когда мои записи находятся в чужих руках, ясно осознаю, что буквы «Б», «Г» и «К» развернуты в неправильную сторону. Жгучий стыд колотится в горле, но исправить уже ничего нельзя, ведь дама, конечно, уже заметила мою оплошность.

На странице номер три нарисован портрет моего волшебного друга, а затем на следующих трех страницах схематично указано, как мы ныряем в бак, проносимся под землей по волшебному тоннелю и выныриваем на морском побережье. «Стр. 7. «Небо. Остров». Далее идёт схема интерьера пещеры и план острова с помеченным жирным красным крестом тайным местом, где живут крошечные луговые феи с прозрачными крылышками.

— Ну и что всё это значит?

— Просто моя книга... Я там рисую, думаю и пишу... её...

Голос мой куда-то пропадает, и я, совсем задохнувшись на последнем слове, умолкаю и опускаю глаза в пол.

— «Думаю и пишу»?! — изумлённо повторяет мои слова высокая дама, так сильно вытаращив глаза, что мне становится страшно. — Хочешь сказать, что ты книгу пишешь?! Сначала, вообще-то, не мешало бы научиться буквы правильно писать!

Дама запрокидывает голову с высоким начёсом и долго, невыносимо долго хохочет открытым ртом, уже не задерживая на лице холодно-любезной маски участия. Пытаясь завершить смеховой каскад, немного снижает громкость, но, едва бросив на меня взгляд, взрывается снова и снова.

Да, в глубине души я её понимаю, ведь видела себя в зеркале, действительно, есть от чего повеселиться. Не по возрасту низкорослая, полная, словно медвежонок, — сказывается бабушкина

опека буквально с самых первых дней моей жизни. Круглолицая некрасивая девчонка с маленькими раскосыми, как у китайчонка, глазами — тут уж дедушкины татарские корни, видимо, вмешались. Густой жесткий ёжик коротко остриженных волос, которые торчат соломой как попало и никак не хотят укладываться. Хуже, чем причёска, уродует меня старая ночнушка, что стала не только коротка, но и тесновата, и поэтому обтягивает мои нежные пухлые телеса, делая фигуру похожей на толстую гусеницу. А главное — это колючий взгляд, который почему-то так мучает и бесит всех окружающих.

Наконец женщине с трудом удаётся унять приступ смеха, и она протягивает мне свёрток, что всё это время, оказывается, лежал на моей кровати:

— Ну-ка, на вот. Тут тебе родители новую пижаму передали. С Новым годом, кстати, писательница! Пойду повеселю народ. Ну, это надо же!.. Книгу пишу!

Высокая дама растворилась в сумраке больницы вселенной, а я остаюсь в полном душевном раздрае, меня словно накрыло и придавило тяжёлой мутной волной.

Спасение только там, на волшебном острове, где в водопаде водятся зеленокожие русалки, русалы и русалята. Зато теперь я знаю, как будет выглядеть, разговаривать и вести себя злобная могущественная колдунья. У неё будет высокий начёс, длинные кроваво-красные когти и огромный магический перстень «Глаз дракона». А мы с моим заветным другом будем с ней яростно сражаться за наш и только наш остров и, конечно, в конце концов, победим, ведь искренность и добро непременно должны побеждать надменное зло — и в нашем мире будет именно так.

Расстелив подарочную пижаму на кровати, я рассматривала её как интересную историю в картинках, — комикс, правда, тогда я ещё не знала, что это такое. По белому фланелевому полю бегали и прыгали, играли в футбол и бадминтон очаровательные весёлые поросята. Нарисованные хрюшки выглядели столь уморительно, что я невольно улыбнулась и настроение заметно улучшилось. Спать в новой одежде было приятно, как в объятиях кого-то нежного и любящего. Прижав к груди рыбку, сплетённую из капельниц, я падала в мягкий сладкий сон.

Неделю назад папа сказал, что в выходной я пойду на ёлку, а завтра как раз наступает долгожданная суббота. После двухнедельного больницыного заточения надвигающийся праздник казался чем-то совершенно нереальным. На сером линолеуме пола пролегла серебристая дорожка. В мою одинокую келью заглянула круглая луна, похожая на Шалтая-Болтая из малопонятной пугающей, но всё же любимой книжки «Алиса в Зазеркалье». Луна подмигнула нам с рыбкой по-дружески и поманила к себе тонкой, как у скелетика, рукой. Мне совсем не было страшно, ведь со мной была папина рыбка. Я встала на лунную дорожку и вдруг поняла, что это светящийся подиум, ведущий прямо на небеса, прочь из опостылевшей «инфекции» с её позорными клизмами, горьким лекарством, больничными уколами и неприветливыми санитарками.

Вдруг полупрозрачная рыбка, которую я всё еще прижимала к груди, шевельнулась и спросила: «А что бы ты хотела получить на Новый год?»

Я задумалась. У меня было так много желаний, что я не могла остановиться на чём-то одном. Давно уже хотелось такие же лаковые туфельки, как у соседской девочки Лены, котёнка, чтобы играть с ним, гладить, чесать за ушком и слушать, как внутри его тёплого пузика тихо урчит маленький живой моторчик. Но больше всего мне хотелось, чтобы мама родила сестрёнку. В своих мыслях я уже назвала её Ниной — в честь бабушки, и придумала, что она будет такой же доброй и героически бесстрашной. Да, мне необходима была именно сестра, ведь, по словам бабушки, с мальчишками нет никакого сладу. А уж бабушка-то знает, о чём говорит, — всю жизнь «в няньках» проработала.

Легко паря над мерцающей туманной взвесью, взглянула на ночное светило. Оно было цвета желтоватого воска, какой бывает на самой верхушке горящей свечи. Я взмолилась: пусть это будет умная и добрая девочка! Но вместо шалтайского лунного лица увидела мою сплетённую из прозрачных трубочек рыбку, плавающую в бескрайнем звёздном океане. Она стала вдруг огромной, светящейся и одобрительно взирала на меня круглым всё понимающим глазком.

До рождения второй Нины в нашей семье оставалось ещё семь долгих месяцев.

Да, права была бабуля: никакого сладу с этими мальчишками действительно не было. Хорошо, что мой заветный друг-островитянин был совсем другим. В соседней палате частенько творилось нечто невообразимое: подушечные бои, обливание водой, настойчивый стук в стекло: «Жиртрест, выходи!»

Однако самым неприятным было не то, что они постоянно обзывались, шумели и не давали покоя, а то, что нещадно издевались над маленьким Олежкой — шуплым детдомовским мальчиком, заступиться за которого было некому. Моих смешных угроз и жалоб лечащему врачу хватало ненадолго. Жестокие озорники стягивали с мальчика штанишки, отбирали пряники — единственное лакомство, что полагалось здесь к полднику. Сегодня я наблюдала, как они спрятали больничные, не по размеру большие Олежкины шлепанцы под его же подушкой и потешались над тем, как он, излазав всю палату, тщетно пытается их отыскать. Самый крупный и злобный хулиган периодически барабанил в стеклянную перегородку между палатами, приглашая и меня насладиться зрелищем: «Эй, жирная, глянь — инкубаторский свои ласты потерял!»

Чтобы аттракцион не прерывался, они запускивали его: да ты, шибздик, себе даже представить не можешь, что тебе будет за потерю казенной обуви! из больницы выгонят и в детдом нажалуются!

Мальчик молча плакал, поджимая губы, и уже по десятому кругу обыскивал углы комнаты. Моё сердце с болью сжималось от бессильной жалости, а пацаны лишь глумливо гоготали над жертвой, не желая прекратить издевательства. Я кинулась стучать в окно, крича что есть сил:

— Олежка, твои тапки под подушкой! Под подушкой! Посмотри! Я видела, как они их туда сунули!

В ответ мальчишки прыгали на кровати, закрывая меня своими спинами, и громко на все лады горланили, пытаясь заглушить мой голос. На всеобщий гвалт в их палату ворвалась лютая санитарка Люда — её боялись как огня все, включая, наверное, даже врачей. После хриплого окрика: «А ну, заткнулись, черти!» ребята наконец утомнились. Олежка лёг на кровать,

укрывшись с головой тонким одеяльцем, и отвернулся к стене. Источник веселья самоустрашился, ведь свирепая Люда теперь начеку. До обеда ещё далеко, и занять себя мальчишеской банде было абсолютно нечем.

Я достала из тумбочки принесённые папой поделки его пациентов и стала играть ими на глазах у пацанов. Мои персонажи, сплетённые из капельниц, прыгали по тонкому подоконнику нашей прозрачной межкомнатной перегородки, пели, спорили и даже пытались подражаться. Шесть круглых детских рожниц, включая Олежку, приныкли к стеклу. Получился почти настоящий кукольный театр. Вскоре я незаметно для себя начала разыгрывать спектакль, очень напоминающий сказку Пушкина о рыбаке и рыбке. Рыбка имелась практически такая, какой ей и положено быть, роль старика исполнял глазастый чертик, а сварливая старуха была в виде жутковатого осьминога. Ну, впрочем, так ей и надо — сама же мечтала стать владычицей морской!

Маленькие зрители смотрели открыв рты, а Олежка, чуть осмелев, смущённо спросил:

— А рыбка и вправду умеет желания исполнять?

— Правда! — кивнула я уверенно и обратилась к остальной братии: — А вас, если будете маленьких обижать, превратит в червяков. Она волшебная!

Компания возбуждённо хохотнула. Мне, конечно же, никто не поверил, но от Олежки все удивительным образом отстали.

Заскрипела и стукнула дверь, зрителей как ветром сдуло. В комнату неожиданно-негаданно впорхнула моя прекрасная мама. Вместе с ней в затхлую камеру ворвался тревожный аромат надежды и дальних странствий. Что это было: жасмин, ирис, пион или сандал? Сложно теперь сказать. На сдержанном фоне советских будней мама всегда была словно экзотическая принцесса, совершенно выпадающая из всяческих норм.

Она шуршала какими-то пакетами, разворачивала свёртки. Я никак не ожидала её увидеть, оттого совершенно оторопела. К слову сказать, в детстве нам с сестрой видеть маму доводилось гораздо реже, чем хотелось бы.

Она влетала, словно огромная сказочная жар-птица, — такая красивая, яркая, громкая,

властная; и требовала немедленно повиноваться, а не стоять столбом.

— Так, сейчас поведу тебя на утренник. Там все дети будут в костюмах. Мы никаких нарядов не приготовили. Но зато я всё придумала. Пижама у тебя соответствующая. Ты наденешь вот это. Будешь, так сказать, в образе.

Мама порывисто протянула мне старую новогоднюю маску поросёнка с маленькими круглыми прорезями для глаз. Я только что-то неопределённо промычала в ответ, не зная, как реагировать на происходящее. С одной стороны, мне не терпелось вырваться из больницы заочения, но появиться на празднике в мягкой пижаме, в которой я только что спала, было всё же как-то неловко. Но маму уже занимали совсем другие моменты:

— Так, смотри там не ляпни кому-нибудь, что ты из «инфекции» явилась!

— А мне правда уже можно выходить отсюда? — не верила я своему счастью.

— Конечно. Ты уже не заразная. Но выписку тебе только в понедельник дадут. Поэтому я тебя послезавтра заберу вместе с выпиской. А вот, глянь-ка!

Мама, как факир, достала из маленького бумажного пакета целый ворох сверкающего ёлочного дождика. По крашеным стенам палаты, по стёклам и даже по потолку побежали волшебные живые искорки, обещая невероятное веселье.

— Так. Сейчас тебя приукрасим, — с этими словами мама накинула мне на шею мишуру, словно пушистый блестящий шарфик. — А вот это можно приделать вместо хвостика. — Она лёгким взмахом выпустила из ладони длинную спираль золотого серпантина. — Вот только оторву кусочек и будет как настоящий поросёнок — крючком.

Перспектива шеголять на всеобщем обозрении с обрывком мишуры, приделанным к пижамным штанам, меня вообще не обрадовала. К величайшей моей радости, приладить деталь не удалось, потому как родительница не взяла с собой иголку и нитки. По своему обыкновению, мама нередко забывала нечто самое необходимое, нагружаясь совершенно ненужными малозначимыми безделицами. Так вышло и в этот раз, невостребованный ворох искристого ёлочного убранства остался потом

лежать в моей бывшей палате, напоминая о далёком и недостижимом счастье.

На меня накинули тонкое казённое одеяльце и повели в неизвестные дали. Мы спускались в полутьму подвала и шли длинными узкими подземными коридорами. Казалось, что из каждого чёрного затхлого угла может в любой момент вывалиться отвратительный мертвец или чудище из самой страшной сказки. Ведь недаром тошнотворный запах из их отверстых пастей преследовал нас по пятам. И только бодрый и непобедимо оптимистичный стук маминых каблучков отпугивал враждебную нечисть, заставляя пристыженно таиться в темноте.

Лишь слабый холодный лунный свет, заключенный в пыльных лампах, жужжал, указывая нам путь к спасению. Мамины каблучки цокали по каменному полу, а я бежала за ней. Ноги, отвыкшие от долгой ходьбы, словно онемев, слушались плохо. Я задыхалась, но не смела жаловаться.

Наверное, так же чувствовала себя отважная Дюймовочка, сбегая из-под надзора ушлой тётки Мыши и несостоявшегося супруга Кро-та в свободный мир эльфов, полный солнечно-го воздуха, цветов и любви. Пугающими сумрачными ходами стремилась я на неведомый праздник, который даже не могла себе представить. Нет, я, конечно, бывала, и не раз, на детсадовских утренниках, которым предшествовала изнуряющая жёсткая муштра, словно нас готовили к военному параду. Но изученный сценарий шёл по установленному порядку: танец снежинок, наряженная в морозного деда воспитка, отчего у псевдостарика каждый раз выпирал женский бюст, извечное «ёлочка, зажгись!», одни и те же зазубренные стишки за конфету. Отвращение к обязательке корпоративных празднеств выработалось во мне чрезвычайно рано, и ровно тогда же я научилась ловко изображать дежурную радость, чтобы не расстраивать руководителей.

Но вот только тогда, в том длинном тёмном коридоре, я ждала нечто совсем иное — настоящее. Ведь невозможно же в самом деле из такого-то жуткого подземелья вынырнуть и попасть в знакомую, пропахшую молочной кашей рекреацию подготовительной группы.

Однако я жестоко ошиблась. И затрапезный

актовый зал, и закутанная в блестящую мишуру ёлка, и набившие оскомину песни с прибаутками — всё было удручающе банальным.

Первое, что я увидела, — непроглядный забор из человеческих спин. В ближнем круге стояли дети, тесно окружившие ёлку, а в дальнем — взрослые, зорко следящие за своими чадами и беспрестанно дающие советы: «Громче говори! Ближе к ёлке подойди! Корону поправь!» Никаких стульев, как в садике, не было — ни больших для пап и мам, ни маленьких — для ребят.

У ёлки суетились две сумасшедшие тётеньки: одна изображала снеговика, вторая, жутко раскрашенная, была в образе Бабы Яги. Снеговик, точнее снежная баба, о чём-то энергично спорил с чумазой каргой, призывая зрителей активно участвовать в выяснении их отношений. Из нарочито гортанных реплик, обращённых почему-то не к друг другу, а в толпу, я поняла, что лесная отшельница украла мешок с новогодними подарками. Было не совсем понятно, на кой ляд он ей сдался, ежели старая каннибалка во всех сказках пытается закусить заплутавшими в лесу детьми или добрыми молодцами.

Мама уверенно вытолкнула меня в «детский» круг. Мне пришлось нехотя покориться, хотя хотелось забиться в дальний угол и закрыть глаза и уши от творящегося вокруг хаоса. Я оказалась рядом с двумя нарядными девочками в красивых платьях с рюшами. Обе они, видимо, были принцессами, потому что на одной сверкала голубой парик из дождика, а голову второй украшала почти настоящая корона из золотой фольги.

Девочки, оглядывая меня, задорно шушукались и посмеивались. Вдруг коронованная особа спросила меня, то и дело зыря на подругу хитрым прищуром:

— А ты почему в пижаме? У тебя что, нормального платья нет?

— Это не пижама, а костюм поросёнка, — пояснила я.

— Кого? Поросёнка?! — дуэтом переспросили принцессы и прыснули от смеха.

Я надвинула маску, чтобы спрятать свои горящие пунцовые щёки. За этим картонным щитом стало гораздо легче. Если опустить глаза, то окажешься в тёплом сумраке, пахнущем канцелярским магазином. А если взглянуть на мир через маленькие круглые дырочки, то можно успокаивать

себя тем, что никто не видит лица, а значит, меня вроде как и нет здесь.

Один из самых, наверное, распространенных кошмаров человека — когда он видит себя голым, причём внезапно оказывается в столь непотребном виде посреди народа. Поверьте, наяву очутиться на многолюдном празднике в ночной пижаме среди красиво одетых сверстников — это тоже не слишком весело. В отчаянии я ринулась туда, где толпа погуще, ведь там будет менее заметно кто во что одет.

Вдруг присутствующие надрывно завопили: «Дед Мо-оро-оз!» После настойчивого троекратно повторенного призыва в зал вплыл настоящий, а не поддельный детсадовский морозный дед. Это был высокий статный широкоплечий мужчина с низким чарующим баритоном. Он находился в явно приподнятом настроении, потому как пританцовывал, балагурил, загадывал загадки. Лишь одним ударом волшебного посоха он разобрался с вороватой ведьмой и вернул детям их вожделенные подарки.

Несмотря на синий атласный расшитый блёстками костюм, белые букли и пышную бороду, я, конечно, сразу узнала папу. Удивляло не то, что он вдруг вздумал изображать из себя волшебника, а то, что он совершенно не обращал на меня внимания. Вместо этого его больше занимали глупые разговоры с чужими мальчиками и девочками.

Казалось, что в этот момент происходит самая страшная и непоправимая в жизни трагедия: буквально на глазах мой папа переставал быть моим папой. А вдруг он уйдёт от меня, решив навсегда остаться Дедом Морозом?!

Забыв про свой непрезентабельный вид, я решила пробраться поближе. Мне хотелось заглянуть в его глаза, чтобы лично удостовериться в вероломном предательстве. Сняв по дороге дурацкую маску и усиленно орудуя локтями, мне удалось протиснуться почти вплотную к Деду Морозу. Длинные чернющие папины ресницы были замазаны чем-то отвратительно белым, но глаза улыбались и светились счастьем. Теперь сомнений у меня не осталось: папа превратился в Морозко из известной сказки и, скорее всего, я вижу его последний раз в жизни.

Горластая ребятня прыгала вокруг него, и он щедро одаривал вниманием каждого, а по мне

лишь пару раз чиркнул взглядом. Эти чужие разодетые злые дети отбирали сейчас у меня самого дорогого жизненно необходимого человека, а я ничего не могла с этим поделать. Я ведь так сильно скучала по нему в том долгом-долгом больничном одиночестве, а он не приходил ко мне целых три дня. Оказывается, за эти несколько дней он решил круто изменить жизнь и податься в волшебники! Действительно, такой красивый и остроумный папа не может принадлежать лишь мне одной, он должен обогревать своим добрым обаянием всех-всех на свете детей. Вон как он безмерно счастлив с ними!

Не в силах больше выносить грызущей меня ревности и обиды, я решительно и громко спросила, глядя ему в лицо, обрамлённое белоснежными кудряшками:

— Папа, это же ты?!

Но родные, знакомые с рождения глаза округлились и приняли непривычное выражение крайнего удивления. Кажется, он впервые не знал, что ответить.

— Поросёнок, твой папа — свин! — услышала я позади безжалостный приговор двух принцесс в шикарных платьях.

Вместо того чтобы обнять меня, как обычно, тем самым поставив на место заносчивых зазнаек, папа ответил чужим деланно бодрым голосом:

— Нет, девочка. Я — Дед Мороз. Ты выучила для меня стихотворение?

После этих слов все уставились на меня и чего-то ждали. Ждал и изуродованный нелепым костюмом папа.

«Чего им надо от меня? Почему они все на меня так угрожающе смотрят?» — удивилась я.

«Стишок-стишок!..» — подсказали с разных сторон.

«Ах, стишок!» — дошло до меня наконец. Не мигая, глядя в лучистые папины глаза, я прочитала последнее четверостишие нашей совместно прочитанной когда-то книги, как бы укоряя его за боль и унижение, которое сейчас испытывала:

*Береги свои игрушки,
Помни сказку о лягушке,
Будь хорошим да гляди,
На болото не ходи.³*

В ответ папа протянул мне конфету, но сделал он это не как родной человек, а как чужой незнакомый дядька с улицы, но у меня не хватило духу оттолкнуть дорогую руку. Осторожно, словно живого жука, я взяла подаяние и побрела прочь, снова надвинув на лицо спасительную маску, чтобы никто не видел душивших меня слёз. Они ручьями текли по щекам, попадали за ворот ненавистной пижамы. Я догадалась, что из-за моего неказистого вида папа больше не любит меня, ведь ему даже стыдно было признать меня при людях своим ребёнком. Разве так должна выглядеть девочка, у которой папа — самый известный в мире волшебник?!

Мама нагнала меня уже на выходе из зала. Задышавшись, я лишь смогла прошептать:

— Уведи меня отсюда!

Но мама поняла эту просьбу по-своему:

— Так, ты чего выделываешься?! Сейчас будут хоровод водить, а потом конкурс карнавальных костюмов. Зря, что ли, мы тебя наряжали?!

Продолжения столь извращённой пытки я уже выдержать не могла. Сунув в мамину руку размякшую конфету, порывисто устремилась по коридору — туда, откуда мы пришли, а потом — вниз по лестнице в подвал. Пусть лучше меня загрызут жуткие подземные монстры и мертвецы из больничного морга. Зато там можно будет дать волю слезам и больше не притворяться тем, кем на самом деле не являешься.

Я ни секунды не надеялась, что мама последует за мной. Она никогда в жизни не шла мне на уступки. С чего бы сейчас ей идти у меня на поводу? Каждый мой каприз душился в зародыше одним лишь её царственным взглядом, а если ещё ко всему следовала высоко вскинута изогнутая бровь, то это было уже последнее предупреждение перед неминуемой карой. С мамой спорить было опаснее всего. Не знаю, что именно она бы сделала со мной: испепелила б взглядом, убила молнией из гневных глаз? Не знаю. Стоило ей поднять бровь — и я обычно сдавалась, потому до самой страшной жути у нас пока не доходило.

Но в тот момент мне было всё равно. Пусть хоть испепелит, хоть пронзит, — назад, в этот

³ Василий Нечунаев. «Сказка о заводной лягушке».

позор на всеобщем обозрении, я не вернусь.

К моему глубочайшему удивлению, мама двинулась за мной. На ходу она с кем-то попрощалась, успела кому-то заметить: «Да вот что-то наша барыня сегодня не в духе. Пойдём, пожалуй».

Уже в палате мама от души бранила меня, пытаясь устыдить: «Да что на тебя сегодня нашло?! Какая муха укусила?! Все дети как дети, а эта как дикарь, в самом деле! Только и можешь, что родителей позорить! Бука, чеснослово!»

Термины «аутизм», «аутичный ребенок» тогда ещё не вошли в моду. В те времена с детскими «капризами» вообще не слишком-то церемонились. По маминому мнению, я была просто дикая, и эту дикость она выжигала из меня калёным железом, обходясь без детских психологов.

За это сейчас ей могу сказать огромное спасибо. А тогда я лишь понимала, что очень сильно огорчила родителей, особенно маму. Может быть, огорчила тем, что я не изящна, как она, что у меня нет такого прекрасного профиля, в котором прямой нос с едва заметной горбинкой придаёт всему облику утончённое благородство. Никогда не будет у меня столь роскошных тяжёлых кос, которые складываются вокруг головы в природную корону. А главное — я огорчила маму тем, что боюсь большого скопления людей и совершенно не умею вести себя. Теперь всё было ясно: я очень-очень плохая.

Мама ушла, доведя себя до крайней точки раздражения, а я вновь осталась одна в моей пустой неприветливой палате. Но теперь почему-то не чувствовала острой несвободы, как было совсем недавно, ещё с утра. Наоборот, лишь только за мамой захлопнулась сердитая дверь, я поняла, что рада окунуться в насыщенное мечтами и образами сказочное одиночество. Почувствовав себя Звёздным мальчиком⁴, который вынужден скрывать ото всех своё уродство, я словно соприкоснулась с величайшей тайной и сама стала частью волшебного мира.

До отбоя я размышляла, вплетая новогодние «дождинки» в длинные прозрачные пряди плавников и хвоста моей «золотой рыбки». «Может быть, теперь они совсем не захотят меня видеть», — приходили в голову невесёлые мысли.

Вскоре мои самые страшные предположения начали сбываться.

На выходных всех маленьких пациентов забрали по домам. В отделении остались только я и детдомовский Олежка. Мальчик часто подходил к стеклянной перегородке, разделяющей наши «камеры», и просил показать ему игрушки или страницы детских книжек.

«Вероятно, родители решили сдать меня в детдом так же, как этого беднягу. Не зря мама уже как-то грозила этим. Кажется, из-за моего острого нежелания ходить в детский сад или на фигурное катание. А ведь она слов на ветер не бросает. Всё! Теперь буду жить без семьи, и злые мальчишки будут издеваться надо мной, как над несчастным маленьким Олежкой», — от страшных омертвляющих мыслей сердце моё рвалось на части, я горько безутешно рыдала и не спала, пляясь до самого рассвета в чёрный квадрат окна.

Нежданно-негаданно в воскресенье за мной приехала бабушка, моя вечная спасительница.

Медсестра удивлённо вопрошала:

— Как же, ведь её хотели в понедельник забрать вместе с выпиской!..

— Сами пускай бумажки свои забирают, — под словом «сами» бабуля видимо имела в виду моих родителей, коих изначально считала «непутёвыми». — А то ишь, занятые шибко! Ничо-ничо, а мы щас с тобой, доча, домо-ой поедем!

На прощание я передала медсестре рыбку с вплетёнными в полупрозрачную «причёску» сверкающими нитями и попросила передать мальчику Олежке из второй палаты. Девушка понимающе кивнула.

В тепло натопленном добром дедушкином доме меня ждали блины с начинкой, пушистая сибирская кошка Мома и долгая «психологическая реабилитация».

Словно узник какой-то специальной тюрьмы для непослушных детей, я долго не могла привыкнуть к обычной жизни, к ласковому обращению, неусыпному бабулиному вниманию и рассказам про «ранешнюю жись»:

— Ты ж малюсенькая родилась, недоношенная, всего два килограмма. Думали, вообще не

⁴ Сказка Оскара Уайльда «Звёздный мальчик» («Мальчик-звезда»).

выживешь. Уколы какие-то страшные тебе в голову делали. Ой, беда! Зато разговаривать ты так рано начала, да сразу так складно, что люди пугались. А шас-то вообще — любо-дорого! Кукла ты моя каменна!

— Бабушка, а кто такая каменная кукла? Хозяйка Медной горы, что ли?

— Да, это как статуя мраморна, краше которой нет никого. Только любовацца не дыша, и всё.

Однако сравнение, которое, по бабулиному замыслу, видимо, должно было меня пободричь, на самом деле только напугало. Я несколько раз видела скульптуры в парке. У голенастых горнистов и пионеров были пустые белые, совершенно мёртвые глаза и отбитые носы. Я не хотела быть статуей, пусть даже и мраморной. В своих детских мечтах я была то феей, то русалочкой, то жила в джунглях вместе с Маугли, а ещё всегда была отчего-то уверена, что могу летать и когда-нибудь обязательно улечу отсюда далеко-далеко.

Видя моё смятение, бабушка привела свой извечный безотказно работающий аргумент: «Ты ж на отца похожа, значит, счастливая будешь!»

Счастье случилось тем же летом, душным и не по-сибирски жарким. В самом конце июля родилась сестрёнка, которую я назвала Ниной, и семейство беспрекословно со мной согласилось. Её рождение переполошило весь роддом, медперсонал ходил смотреть на неё, словно на чудо, — столь необыкновенно красивой девочки там ещё не рождалось.

Нина появилась на свет с пышной шевелюрой — длинной, почти до середины спины. Светло-пепельные волосы отливали голубым и стояли, словно сумасшедшая родительница сделала новорождённому ребёнку начёс. Помнится, когда малышке стукнул годик, одна нервная старуха, увидев этакое диво, даже отругала маму на весь автобус. Доказать горластой злоке, что ребёнок родился с такой копной, так и не удалось.

Сестрёнка тарасила огромные круглые сербристо-серые глазёнки и улыбалась миру, отчего сразу на обеих щеках у неё появлялись очаровательные ямочки. Я полюбила её с первого взгляда, почувствовав непобедимое кровное родство, которое невозможно разорвать ни временем, ни даже самой смертью.

С энтузиазмом, которого от меня никто не ожидал, я принялась нянчиться с новорожденной: качала её в коляске, держала бутылочку с молоком и рассказывала ей свои сказки. Она смотрела на меня неотрывно, внимательно слушающая, и казалось, будто всё понимает.

Мама и папа кружились вокруг неё, хлопоча и подсказывая по первому требованию, что я невольно могла сравнить: именно так вращалась вокруг меня жизнь в дедушкином доме и никогда — в отчем. К сожалению, мои родители созрели для родительства лишь ко второму ребёнку. Ну, хорошо, хоть у моей младшей сестры с самого рождения будут нежные и заботливые, а не только строгие отец с матерью. У меня же источниками абсолютной любви были «мама старенькая» и «папа старенький», как с младенчества я называла бабушку и дедушку. Удивительно, что в свои шесть с половиной лет я понимала столь сложные нюансы взаимоотношений.

В том сентябре я пошла в первый класс. К тому времени в моей тайной тетради накопилось уже множество рисунков и сказок, которые я записывала как могла: о зачарованном острове, о дружбе с озёрными русалками, о невидимых детях, что живут в заброшенном доме, о космическом путешествии, которое никак не хотело заканчиваться. Никто на свете, кроме меня и моей сестрёнки, так и не узнал этих историй.

Со школьной линейки первого сентября я пришла морально опустошенной и раздавленной. В тот день мне стало ясно, что моя жизнь не будет лёгкой и волшебной, как я себе придумывала. Никто не даст мне заниматься тем, чем я хочу. Пытку «фигурным» заменит рутина обязательного среднего образования, которую потом сменит ещё что-то гораздо более страшное и ответственное, а мои сказки навсегда останутся чем-то ненужным и совершенно лишним.

Примерно тогда и приключился со мной странный случай, который и по сей день не могу забыть.

Снилось мне, что луна зовёт меня, а я то ли иду к ней навстречу, то ли парю над землёй, имитируя движение. Я стремилась прочь из дома, ни капли не сомневаясь в правильности этого решения. С каждым шагом я словно становилась лег-

че. Казалось, что отворилась закрытая ранее дверь, и я двинулась по узкому лунному коридору. Вот-вот уже совсем скоро я взлечу над притихшим ночным городом. Поплывут подо мной живые бисерные нити автострад и россыпи мерцающих никогда не спящих кварталов. А я, задыхаясь от эйфории, поднималась вверх, к заждавшейся меня луне, понимая, что и сама скоро стану такой же бледно-серебристой небесной жительницей. Шелестящий шум в ушах рвущейся на волю души незаметно перешёл в тихий шёпот о несбыточном счастье.

Утром папа рассказал об удивительном происшествии, что приключилось прошедшей ночью. Лежу я, говорит, и чувствую, будто меня толкнул кто-то. Вдруг вижу: дверь в спальню отворилась иходишь ты. Идётся, как по воздуху плывёшь, — ни половица под тобой не скрипнет, ни топота, ни шороха. Подошла сначала к Нининой кроватке, наклонилась над ней, погладила по головке, будто прощаясь. Дальше двинулась через комнату — и всё без единого звука.

Начало сентября 1974 года в накале душевного марева не уступало лету, поэтому балкон и все форточки в квартире на ночь не закрывались, а про кондиционеры мы тогда и слыхом не слыхивали.

— Только пошла ты не мимо, — продолжал папа, — а как будто дух невесомый вспорхнула на спинку нашей с матерью кровати. Я её толкаю, а

она спит как убитая: умаялась с малышкой за день. Ты просеменила на носочках по бортику, как гимнастка по спортивному бревну, и — шнырь на балкон. Я — за тобой.

Пока из кровати вылез, глядь, а ты уже стоишь на балконных перилах, а они ведь такие хлипкие! Лицом на луну уставилась и руки вверх тянешь, как к живому человеку. Вижу, глаза у тебя закрыты, значит, спишь. Ну, думаю, спасать надо дочку. Испугался за тебя очень, боюсь скрипнуть, разбудить нечаянно. Подошёл к тебе тихонько, взял под «крылышки» и осторожно в твою комнату унёс. Уложил в постельку, ты даже не проснулась. Посидел ещё рядышком минут десять, ну, слышу, сопишь ровно. Миновала, видимо, беда. Пришлось дверь на балкон закрыть. Вот теперь придётся мне тебя от луны охранять.

— Зачем? — искренне удивилась я.

— То есть как это «зачем»? Да чтобы ты от нас на луну не сиганула. Как я тогда без тебя жить-то буду?!

— Папа, а ты меня, что ли, любишь?

Он пристально заглянул в моё лицо так, словно не расслышал или не понял, о чём я спросила. В его добрых глазах горели горячие золотистые звёздочки. Папа порывисто обнял, шутливо ероша мою выгоревшую за лето чёлку:

— Ну, а как же?! Конечно, люблю! Ты же ребёнок мой... моя старшенькая!

□

Юлия НИФОНТОВА —

поэт, прозаик.

Окончила Алтайский институт культуры и искусств.

Публиковалась в литературно-художественных журналах «Алтай», «Бийский вестник», «Русское эхо», «Луч», «День и ночь», «Север», «Огни Кузбасса», «Московский вестник», «Роман-журнал. XXI век», «Юность», «Наш современник» и др.

Автор двенадцати книг, среди которых

«Осколки матриархата», «Женские мистерики»,

«12 самых страшных тайн», «Шиза в квадрате» и др.

Лауреат литературных премий им. А. Пушкина (2007),

им. В. Бианки (2011),

VIII Артиады народов России в лиге мастеров (2006),

«Золотое перо» (2012).

Член Союза писателей России.

Живёт в Барнауле.

